

Молот

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, МЕСТКОМА И ПРОФКОМА
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Год издания 2-й
11 (51)

Пятница, 1 апреля 1966 года.

Цена 1 коп.

После собрания...

25 марта было комсомольское собрание факультета. Казалось бы, если ты комсомолец, то обязан явиться. Дисциплина есть дисциплина. Однако далеко не все это понимают: собралась весьма немногочисленная аудитория (из 400 человек присутствовало сто).

Собрание взволновало по-настоящему. Говорили о многом: что же такое комсомол? Может, он изжил себя? Зачем равнодушные носят комсомольские билеты?

Меня особенно поразило выступление бывшего комсорга 24-й группы Лизуновой. Суть его такова: «Мой энтузиазм потух, как спичка на ветру. А все оттого, что я учусь в ужасно пассивной группе. На собрание не оставишь, только прозвонит звонок — все в буфет, в раздевалку...»

Товарищи! Мне-то что, повезло что-ли? Я не верю, что комсомольцы все плохие, а один комсорг хороший. Я учусь и живу с хорошими девочками. Хотя мы тоже ничем не выделяемся. Нас иногда тоже затягивает эта будничная тучка. И все-таки в каждом человеке заложено стремление к хорошему. Неправда, что один кто-то активничает, а другие ждуть. Вся соль в том, что нужно уметь зажечь других. Поменьше слов, побольше дела!

Нам надоело коптеть! Что мы вспомним о студенческих годах? Ведь они пролетят с космической быстротой. Как сидели на лекциях, бегали в кино? И все?

На следующий день после собрания была бурная группо-

вая летучка. Выясняли причины неявки шести комсомольцев. Общий протест вызвала реплика одной студентки: «Я думала можно не приходить. У нас в школе такая скучища была на собраниях».

Ее спросили: «Зачем же носить комсомольский билет? Что, для тебя комсомол — ничто?»

Разговор был принципиальным. Теперь кое-что должно измениться. Подтверждением этому тот огонек и задор, которые вспыхнули, когда начали предлагать существенное.

Мы сейчас усиленно готовимся к смотру в надежде на победу. Решили связаться со школой, с классом, подружиться с мальчишками и девочками. Проверить, есть ли у нас педагогическая струнка. Начинаться танцевать красиво — от шейки до медисона.

Будем участвовать в фестивале, оформлять фестивальное кафе.

В группе должен состояться разговор на открытость: открыть каждому глаза на его характер; обсуждение кинофильма «Женщины». Будем выпускать боевые листки. А весну встретим за городом, с первыми подснежниками. Вечера будем отдавать музе-позиции (стихами интересуются все!).

Итак, нас ждут интересные дела. Надеюсь, они останутся не только на бумаге, на словах. Они должны осуществиться, запомниться навсегда. Ведь это наша веселая и трудная студенческая жизнь!

Т. ПЕРЕХОЖИХ,
студентка 12-й группы.

Что вы думаете о первом курсе?

После своей первой сессии на первом курсе мы не догадались спросить у преподавателей, что они думают о нас. Мы вообще не догадались спросить об этом ни разу вплоть до последнего, четвертого курса. И мы жили в блаженном неведении до тех пор, пока газета «Во весь голос» не взяла интервью у всех, кто работал с нашим курсом. Не стовариваясь, почти все преподаватели в разной форме заявили, что «очень слабая подготовка по всем предметам, а особенно по русскому языку»; что «лень, умственная инертность, думать не хотят и не

умеют»; что «работать хорошо могут все, но нет случаев, чтоб человек старался, как можно лучше»;

что «утрачена любознательность»;

что «хотят только одного — отделаться, «вымучивают»».

И в заключение выразилась надежда, что хотя бы к госэкзаменам они, т. е. 4-й курс, внутренние организуются. Студенты четвертого курса были неприятно поражены. Потому что они думали, что ничем не отличаются от предыдущих выпусков.

Как же это случилось? Сейчас никого не удивляют наши знания, но ведь все четыре года удовлетворяли? Во всяком случае, даже самым слабым из нас ставили «удовлетворительно»!

Естественно, думать об этом грустно, потому что все чувствуется: это — правда. Однако мало, что можно сейчас исправить. Но вот уже полгода учатся у нас новые люди — первый курс. Пусть же они знают все, что о них думают.

Е. А. КАЗАЧА — преподаватель выразительного чтения:

Интересные, годковые люди: Лидя Иванова, Леонсов, Середенко — забавный, но серьезный парень. Нынешний первый курс сильнее всех предыдущих. Работа с ними вызывает удовольствие. 13-я группа почти полностью лишилась стихии. Если они удержатся хотя бы на существующем уровне интересом, это будет очень хорошо.

Г. Ф. ОДИНЦЕВ — преподаватель практической грамматики:

К институту подготовлены очень хорошо. Задания хорошие плюс нормальная подго-

товка к ежедневным занятиям — залог успешного окончания вуза. Пожалуй, отсев, который имел место в зимнюю сессию, был первым и последним. А первокурсники в состоянии выполнять и общественную работу. Смотр покажет, на что они способны с этой стороны.

Е. И. ЛИТОВЧЕНКО — преподаватель старославянского языка:

Направляется невольное сравнение с теперешним 2-м и 3-м курсами. Этот первый курс более работоспособен, более подготовлен. Студенты с большой легкостью воспринимают и усваивают новое. Возможно, это оттого, что на этот раз у нас был конкурс, и прошли в институт более подготовленные, с ними интереснее работать преподавателям, соответственно и студенты работают с интересом.

Н. А. РУСИНА, преподаватель античной литературы:

У меня хорошее впечатление от первокурсников. Они хорошо подготовлены, серьезно относятся к занятиям, чем предыдущие наши первокурсники, те, которые сейчас на втором и на третьем курсах. Возможно, что хорошо влияет тот факт, что очень много кандидатов, и есть какое-то соревнование.

В. М. ФИЗИКОВ, зам. декана:

Думаю, что курс такой же, как в прошлом году. Думаю, и сначала, что лучше — они так хорошо начали. Но после уборочной раскисли, опустили руки. Кончается год, а они никак себя не проявили. Нет, я не скажу, что они у меня лучше работают, чем предыдущий первый курс, ныне второй.

Пожалуй, даже хуже. Есть такие «перлы»!...

Раскрытый дневник

Мелкий четкий почерк. В нем угадывается характер, напряженная мысль. Перед человеком стоят проблемы. Человек в поиске.

Кое-кто из преподавателей старшего поколения хорошо помнит Михаила Васильевича Физикова. Студент — он учился на нашем факультете. Преподаватель — он работал на нашем факультете. Учитель. Солдат. Он погиб в сорок третьем на Западном-Украинском фронте.

Какой он был? Говорят, общительный, широко, по-русски талантливый, оптимист, энтузиаст. «Все его очень любили, а студенты были прямо влюблены, ходили за ним».

Этот немного суховатый дневник должен был по замыслу автора стать организующим моментом в работе. На первой же странице он решил, что в нем не будет «ничего личного: ни себя, ни окружающих».

Но так не получилось. Со страниц дневника встает человек живой, как живые сейчас те проблемы, которые волнуют его.

Это наши сегодняшние проблемы. Как донести до ученика великую красоту и благородный подвиг литературы, открывающей в человеке Человека, как воспитать литературой чувство изящного, что такое художественность, каким должен быть словесник...

Дневник вводит нас в бурную, деятельную жизнь нашего факультета тех дней.

яркость и выразительность изложения.

г) В школе есть два пути восприятия и понимания искусства: I — самотек, II — руководство со стороны учителя. Я предложил второй.

д) Указывая, что при изучении произведения нужно рассматривать не только смысл произведения, но и форму его, причем делать это одновременно

но. Например, изучается образ Онегина, рассматривая его «характер» и приемы, ...яркость и выразительность.

Это гвоздь моего доклада, а его гвоздем никто не посчитал.

О чем спорили и что нужно принять во внимание?

Наиболее сильным оппонентом был студент Юдолевич (талантливый парень, поэт, критик, но не словесник-учитель). Юдолевич указал, что де Физиков хочет сердцем понять произведение, а нам нужны объективные методы его анализа. Он указывал, что типичность не есть критерий, так как каждый класс будет типичность понимать по-своему.

Собственно по этому же вопросу выступал и Пруцков.

Пруцков, конечно, ни о какой художественности здесь и речи не вел. Он сам не подозревает, что опять-таки затрагивает вопросы идейной сущности произведения. Ну, да ладно об этом.

Петров П. Е. указал, что этот вопрос о художественности затрагивался и раньше. Привел пример имманентного чтения, говорил о психологической аперцепции, необходимости готовить аудиторию к восприятию произведения, ненужность логических расчленений.

23/IV 40 г. Конспектировал Пышина. Читал А. Белого.

Начав читать Белого, я был поражен его манерой изложения. Много непривычного. Огрыбочные фразы, штрихи, зарисовки. Нет обычного и привычного ясного повествования. Его стиль — все-таки символические выверты. Потом втянулся читать. И вот что я должен отметить. Совершенно прав отец Белого — профессор Бугаев, который прежде фыркал по поводу символических бредней, потом увидел, что все-таки это стиль, хотя стиль непривычный, а порою непонятный. Бугаев понимал, что просто по-мещански все отрицать и самодовольно фыркать нельзя, а нужно изучить, понять этих самых символистов.

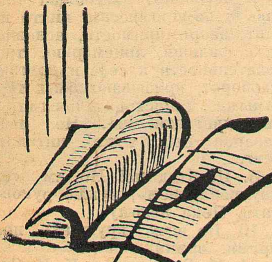
Читая книгу Белого, его мемуары, устанавливаешь, что символисты были чрезвычайно культурный и образованный народ, в большинстве своем это эрудиты в области литературы, философии, даже математики, химии (Белый, например). Они прекрасно знали все «сегодняшнего дня». Чем, например, мы похвастаться не можем.

20/VI — 41 г. Нужно работать интенсивнее.

Завтра сделать: закончить конспектировать Буслая. Дуть немецкий.

Если останется время — днем поработать над картиной.

22/VI — 41 г. Сегодня началась война с Германией.

С ЧЕМ ТЫ ИДЕШЬ К ЛЮДЯМ?

Конечно, сейчас у каждого честного человека много работы. Серьезной работы. Студентам тоже трудно. И тем более странно, что часто встречаешься с бескрылостью, бездумием, равнодушием.

Четыре года дается человеку, чтобы он стал педагогом. Всего четыре. А часто ли он задает себе вопрос: смогу ли? Что нужно, чтобы стать настоящим учителем? Что я приобрел?

Это не интеллигентская рефлексия. Это просто постоянная требовательность к себе. Наши выпускники могут говорить о своем прошлом много теплого, но почти все добавляют: институт не научил общественной работе. Выращенные неточно: приохотить, привить вкус к общественной работе — вот что должен сделать институт. А еще точнее, привить чувство ответственности за то, что ты — учитель.

На первом курсе учился Юрий Аksenov. Вынужден устроиться на работу. Нет его неделю, две на занятиях. Группа ничего не знает о нем. И не беспокоится.

Никто не может заставить группу «болеть» за своих на экзаменах. Но много ли теперь таких «болельщиков»? Скажете — детство. А мне кажется — збота и беспокойство.

Бьется над книгами Надя Ионина. Очень старается, сидит и день и ночь... и ничего не получается. Разве собралась группа, чтобы помочь человеку? Даже в голову не пришло коллективно, вместе отвести беду.

Часто встречаешься с коллективизмом «навыворот», круговой порукой, неделикатностью. Взять в общежитии чужую вещь — чуть ли не признак хорошего тона. ПОЛУЗНАКОМЫЙ человек может одолжить у тебя все: от утюга до рубашки. Братство? Нет, пожалуй, крайняя степень неделикатности, граничащая с наглостью индивидуалиста.

Трудно, очень трудно спланируются коллективы во многих группах. Почему в рабочей, принципиальной 21 группе филологов сложились не совсем нормальные отношения? «Мы только кажемся дружными», — разве это не горькое признание!

«Что же делать? Шесть часов отсида и — домой. Ничего они не хотят. Просто руки опускаются...» — это слова Тани Лизуновой, комсорга 24 группы филфака. Думаю, что она со своей болью не одинока.

Есть ли выход? Безусловно. Каждому, кто ПОКА ТОЛЬКО ФОРМАЛЬНО решил стать учителем, пора совершенно принципиально проверить себя, проникнуться ответственностью перед другими, перед своей собственной судьбой, перед будущими учениками.

Что же это — опять только нравственное самоусовершенствование? Нет, не только. Хотя без него ничего не выйдет. Разумеется, необходимо, чтобы по-настоящему жила комсомольская организация. Нужно, чтобы ты периодически отчитывался перед товарищами в том, как растешь. Умножаешь ли в себе человеческое или потихоньку теряешь благоприобретенное в школе?

С получением диплома педагогом не становятся. И даже знаний еще недостаточно для того, чтобы учителя уважали, учились у него.

С чем же пойдешь ты к людям? Сможешь ли жить для них?

В. М. ФИЗИКОВ.

ПРИЗВАНИЕ.

Каждое утро я еду в школу. Трамвай дребезжит нудно и пронзительно. Стекла почти всегда замерзшие, в них трудно что-нибудь рассмотреть. Но я уже не первый день вот так же встречаю трамвай и научилась безошибочно определять, в каком вагоне едут коллеги. Вот и опять я не ошиблась.

Их трое. Они позевывают (встать надо в шесть часов, а то и раньше: ехать от общежития в другой конец города, в школу).

Пока мы не давали уроков, нам все казалось значительно проще. Ну, подумаешь, пришел, рассказал кое-что из того, что сам-то давно знаешь, потом спросил это же самое, наставил оценок, и — до свидания.

Не тут-то было! Не так-то просто рассказать детям даже то, что знаешь, не так-то просто заставить их слушать все это, не так-то просто спросить с них по тому, что уже рассказывал.

И все это зависит в общем не столько от того, что рассказывает учитель и как он знает материал, сколько от того, как он все это рассказывает.

Эту простую, иногда горькую истину нам надоело познать на первом уроке, который, признаться, у большинства из нас, практикантов, пошел вкряк.

НА СНИМКЕ: вручение билетов членам гуманитарной секции научно-студенческого общества.

вкось. У большинства, но не у всех. Я пришла на урок к одному из троих наших ребят, с которыми встречалась утром в трамвае.

Класс у Валентина Захарова очень трудный. Ребята хорошие, но заставить их сидеть спокойно и, главное, слушать, не так просто. Однако у Валентина на уроке они безо всякого принуждения сидят и... работают. Хорошо работают, активно, с видимым

ЧТО ЭТО?

интересом. А учитель перед ними стоит какой-то совсем для меня новый, каким я его никогда не видела. Обычно в институте я привыкла видеть юношу с голубыми глазами, срастающимися тонкими бровями и доброй улыбкой. Ничем не приметный. Он аккуратно ходит на лекции, хорошо пишет плакатным пером... вот, пожалуй, и все, что я о нем знала.

И вот стоит он перед классом совсем новый, стройный такой, подтянутый. И глаза у него особенные: светятся так, что ребята, хочешь — не хочешь, сами притягиваются к нему. Весь практикантов, пошел вкряк урок сорок пар глаз внимательно

1 марта состоялось торжественное вручение билетов членам гуманитарной секции НСО (факультет иностранных языков и филологический). Можно сказать «открытие», потому что когда собирались ее члены последний раз, уже мало кто помнит.

«Пресс-центр» секции выпускает сейчас второй номер бюллетеня «Филолог», бюро секции готовит научно-студенческую конференцию. А она не за горами — 12 апреля!

НА СНИМКЕ: вручение билетов членам гуманитарной секции научно-студенческого общества.

следят за каждым движением учителя. Весь урок учитель живет с детьми единой жизнью, единой мыслью. Ему не надо искать опорных точек, глаз, в которые можно иногда, для проверки правильности собственной мысли, взглянуть, он может верить глазам всех учеников класса.

Я ушла с урока Валентина Захарова удивленная той неожиданной умеренной, которая произошла почти на глазах у меня. От малозаметного рядового студента он вырос в моих глазах до дирижера сорокаголосого хора.

Как ему удалось это? Какая для этого должна быть черточка в его характере? Видимо, наконец решила я, для этого надо иметь какие-то природные качества. Но ведь и это не всегда главное!

Я долго ходила на уроки к Валентину. Они меня радовали своим тоном, раздумчивым, спокойным, отрицающим всякую возможность относиться к Гоголю без интереса. Как можно не любить Гоголя, казалось, говорил взгляд Валентина, мимоходом брошенный на отвлекающегося ученика? Но этого мимолетного взгляда было достаточно. Но главное, на мой взгляд, было в другом: Валентин вместе со всеми детьми думал. Он предлагал всем, кто сидел в классе, совершить воображаемое путешествие с ним в уездный город XIX века. И ребята радостно отправлялись в путь, смеясь над глупыми чиновниками города, возмущались порядками, царящими в нем.

Все-таки, думаю я, то, что человек раскрылся именно в работе, говорит о многом: в первую очередь о том, что он нашел свое место, о том, что он не ошибся в выборе профессии. Короче говоря, о том, что можно назвать — призванием.

И вот опять я стою на остановке, жду, когда придет трамвай, когда я снова встречу с людьми, нашедшими свое призвание. С. МАМАЕВА.

бы лучшей половиной студенчества сбросила с себя гилью и смело шла вперед, сама управляя своими действиями. И если каждый будет честен до конца, то самоуправление возможно.

11. Учитель-филолог должен быть подлинным творцом. Должен научить детей видеть глазами Груина, чувствовать сердце Экзюпери и при этом быть подлинным творцом человеческого счастья.

IV курс, С. РУДКОВСКАЯ. НЕ ЗНАЮ другой профессии, которая привлекала бы меня больше.

5. Беспокоит всеобщая любовь к компромиссам, никто не учит непримиримости, ненависти к фальши, лицемерию, требовательности к себе и другим.

Наоборот, призывают быть терпимыми, снисходительными и «интеллигентными». Но ведь Базаров был тоже интеллигент...

8. Необходимо! Но им, «самоуправлением», нужно руководить. Пока никому.

10. Во всех кружках, но... время, время!

11. М. В. Физиков, И. В. Столярова, М. В. Яковлева.

IV курс, С. КАРНАУХОВА. ЕСТЕСТВЕННО было бы обнаружить у студентов внутреннюю потребность в более глубоком знакомстве с историей литературы и живом сопереживании с новой современной литературой.

5. Равнодушие известной части студентов к литературе, пассивность. Шаблонный характер литературных суждений, самопокоенность, отчуждение друг от друга.

12. Человек высокого идеала, большой сердечной щедрости, свободно, творчески мыслящий, горячо любящий литературу, умеющий сам радоваться прекрасному и заражать этой радостью других людей.

И. В. СТОЛЯРОВА.

Редактор В. САМОСУДОВ.

«Странные» вопросы — интересные ответы

штем факультете осуществится самоуправление, когда каждый будет болеть за общее дело, когда у каждого будет какая-то обязанность, за которую он головой отвечает.

IV. КУРС.

С ГОРЯ и надеясь каждый год уйти. Надеялась работать все равно кем, только не учителем.

4. Беспокоит пассивность — «Что мне, больше всех надо?» Надеюсь додумать причины на диспуте по «Иностранной литературе». Мыслятся причины исторические (поколенческие).

6. Надеюсь на то, что деканат (или кто другой) будет гораздо строже подходить к набору студентов и к качеству лекций преподавателей.

IV. КУРС.

С ДЕТСТВА любила читать правдоучения. (Это шутя). А серьезно — большой интерес к литературе и человеку.

5. Беспокоит «преждевременная старость» ума и сердца

некоторых студентов. 6. И мы, филологи, совершаем открытия. Только наши открытия — это чудесные люди, увлеченные, творческие.

7. Надеюсь, что на филфаке возрастствует разум и «скрывается тьма» незнания, равнодушия, лениности, скепсиса...

8. Боюсь, что на современном этапе самоуправление на нашем факультете примет характер «культы личности» (см. последние номера факультетской газеты).

9. Мой идеал учителя-филолога: Человек, Человек и еще раз Человек.

Л. К. БОГОМОЛОВА.

В ИНСТИТУТ пришла из-за стремления работать с детьми и огромной тяги к знаниям. Мы ведь не имеем права обмануть век, который требует от нас очень больших знаний, и мы не имеем права обманывать себя в этом же.

2. Хочу видеть жизнь глазами поэта и писателя и научить

младших смотреть вокруг открыто, видеть прекрасное, понимать человеческую душу.

IV КУРС.

НЕОБЫКНОВЕННО интересные лекции по искусству, эстетике, спорам о жизни, о поэзии, откровенных разговоров о жизни, о месте человека на земле.

7. Этот вопрос противоречив и неконкретен. Надеяться можно только на себя и на свои знания. А с другой стороны, можно надеяться на то, что институте появятся красивые, со вкусом обставленные аудитории, что эстетика не будет наукой в заgone, что будущие педагоги проявят больше интереса к музыке, к искусству, что не будет равнодушных, отмахивающихся личностей, что каждый будет стремиться к совершенству.

8. Именно в пединституте оно и нужно, как нигде. Но оно сейчас у нас невозможно: слишком много равнодушных. Надо что-